

К. А. Гаврилова

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГРАДООБРАЗУЮЩЕГО
ПРЕДПРИЯТИЯ В СЕВЕРНОМ ПОСЕЛКЕ:
ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ
И КНИГ ПОЧЕТА К НОСТАЛЬГИИ
И ФИГУРАМ УМОЛЧАНИЯ**

Поселок Каршево¹, расположенный на морском побережье Мурманской области, на 1 января 2012 г. насчитывал 1182 постоянных жителя и был одним из самых заметных населенных пунктов региона — в немалой степени благодаря обилию публикаций, посвященных актуальным проблемам поселка, в местной периодике. Будучи наследником рыбацкого становища, известного с XVI–XVII вв., поселок в XX в. развивался преимущественно за счет участия в промышленном освоении рыбных ресурсов и развития предприятий, так или иначе связанных с морским делом. Об одном из таких предприятий и эволюции его роли в жизни поселка пойдет речь в предложенной статье.

Общепринятого понимания термина *градообразующее предприятие* не существует: следует, скорее, говорить о наборе черт (социальных и экономических функций), на основании которых принято относить конкретную организацию (завод, комбинат или мастерские) к данной категории. Градообразующим называется «производственное предприятие, на котором занята значительная или даже основная часть работающих граждан города, поселка, в связи с чем оно определяющим образом влияет на занятость на-

---

¹ Названия поселка и локального «градообразующего предприятия», а также все личные имена представителей поселка изменены. Полевое исследование социальной ситуации в Каршево проводилось мною совместно с Н. А. Косяк в 2012–2013 гг. в рамках проекта «Северный поселок» Европейского университета в Санкт-Петербурге (руководитель — Н. Б. Вахтин).

селения, воздействует на инфраструктуру и социальные проблемы» [Смирнова 2009: 59]. Важнейшей функцией градообразующего предприятия (далее — ГП) в советское время являлось предоставление населению определенного набора социальных услуг (ведомственной жилплощади, медицинского и рекреационного обслуживания, образовательных учреждений для детей и др.). Такое положение ГП в социальном ландшафте города делало его основным агентом воспроизводства локальных властных отношений: «Обладающее широкими социальными возможностями предприятие <...> удовлетворяло социальные потребности не только собственных работников, но и местного сообщества. <...> Крупные предприятия с солидной социальной инфраструктурой располагали возможностями формировать и регулировать социальную ситуацию в городе, районе, области» [Сидорина 2007: 324–326]. Сильные связи между населением и ГП определяли, впрочем, не только локальную социально-экономическую ситуацию, но и микроуровень горизонтальных связей жителей — родственных, дружеских или неформально экономических, — устанавливаемых большей частью через предприятие [Город 2012: 25]. Взаимоотношения с предприятием, таким образом, становились основой локальной идентичности и биографического нарратива большинства жителей.

Каршевские судоремонтные мастерские (далее — СРМ) были основаны в 1929 г. и прошли путь от небольшой фактории с пристроенным «механическим цехом» до масштабного ремонтного комплекса (в разное время мастерские включали деревообрабатывающий, кузнечный, электромонтажный и другие цехи, а также несколько причалов), осуществлявшего целый спектр работ — от ремонта промышленных судов до изготовления промысловых лодок¹. Расцвет предприятия и контролируемой им инфраструктуры пришелся на 1960–1970-е годы, когда «мастерским был передан весь жилфонд поселка»: в задачи жилищного управления СРМ входили возведение новых жилых домов, а также ремонт

---

¹ Сведения, представленные в данном разделе, содержатся в документах из архива поселковой библиотеки.

и обслуживание всех поселковых построек (проведение систем отопления, водопровода, канализации, устройство котельных и т.д.). Положение (репутация) мастерских как ГП, предоставляющего жителям удаленного от областного центра поселка основные социальные блага, формировало особую, основанную одновременно на локальном и профессиональном параметрах, идентичность у рабочих предприятия.

Сильная связь жителя Каршево с предприятием (в данном случае длительное и успешное трудоустройство) объективировалась, например, через занесение его имени и краткой профессиональной биографии в «Книгу почета передовиков социалистического соревнования. Каршевские судоремонтные мастерские», существующую с 1955 г. и в настоящий момент хранящуюся в поселковой библиотеке. Пышно оформленную «Книгу почета» следует рассматривать в ряду схожих символических операций, служивших когда-то утверждению высокого статуса СРМ и особого престижа постоянной занятости на них. Другой подобной операцией являлось аккуратное ведение местной библиотекой тематических подборок периодических публикаций, содержащих сведения об истории (или «актуальных» проблемах) мастерских и официальные биографии их сотрудников¹. Импровизированные альбомы вкупе с машинописными летописями поэтапного развития СРМ не только складывались в исторический нарратив о предприятии как экономической и социальной *основе* поселка, но и предоставляли исходные тексты-матрицы для разработки (воображения) «сценария» профессиональной биографии сотрудника мастерских. И если накопление бумажных грамот формировало символический капитал их получателя (и с этой точки

---

¹ Инициатива составления тематических подборок или целых альбомов, посвященных локальным предприятиям, в целом типична для советских культурных институтов — клубов, библиотек или школ. В рассматриваемом случае речь идет о четырех документах: двух подборках статей («Каршевские СРМ» или «О лучших людях Каршевских СРМ (1976–)») и двух подробных изложениях поэтапного развития мастерских («История развития Каршевских СРМ с возникновения по 1966 г.» или «История развития Каршевских судоремонтных мастерских с 1967 г.»).

зрения «Книги почета» с зафиксированными процентами перевыполненного плана, равно как и поощряющие «благодарности» и «знаки отличия», представляют собой неисчерпаемый символический ресурс, принадлежащий предприятию), то опубликованные в местной периодике (и вклеенные в библиотечный альбом) биографии рабочих СРМ эффективно задавали систему ценностных координат, в рамках которой мыслилась (и описывалась) правильная модель принадлежности предприятию. Например, такой «правильный» сценарий принадлежности отражен в публикации от 1 мая 1978 г., посвященной одной из рабочих династий СРМ¹: «Двадцать пять лет работает в Каршевских судоремонтных мастерских Александр Васильевич Конев. Начал с ученика медника-жестянщика и с тех пор не изменил своей профессии. Его жена, Клавдия Николаевна, проработала сетевязом на этом же предприятии более 30 лет и два года назад ушла на заслуженный отдых. За это время выросли и пришли работать в судоремонтные мастерские их сыновья <...> За многие годы Коневы-старшие обучили своим профессиям более 40 человек» [ПМА 2012].

В качестве основ профессиональной биографии правильного работника СРМ утверждается длительность его стажа — постоянная занятость на одном предприятии, его «трудолюбие» и «добросовестность» (ср. из публикации «Преемственность», посвященной династии Ермаковых: «Этих трудолюбивых и скромных людей уважали в коллективе», «Добросовестность молодого человека заметила администрация» и т.п.). Другой несомненной ценностью является способность работника обеспечить преемственность — по модели ученичества или, что ценнее, в рамках профессиональной семейной династии. Постоянная занятость и преемственность, воспеваемые в официальных биографиях, являются вкладом рабочих в партнерские отношения с градообразующим предприятием: сотрудники обеспечивают свою постоянную лояльность, а предприятие взамен гарантирует трудоустройство и широкий спектр социальных благ (сверх заработной

---

¹ О династийности в «заводской культуре», а также некоторые общие наблюдения за жизнью заводских семей см. в: [Сатыбалдина 2011].

платы). Такую модель взаимодействия в парадигме отечественной социологии принято называть *патернализмом* — она основана на обмене взаимозависимостью («системой взаимных ожиданий и действий со стороны менеджмента и работников»), при которой «в обмен на социальные блага работодатель получает лояльность и личную преданность, а фигура работодателя приобретает черты личного благодетеля» [Романов 2005: 287–288]. Устойчивые «патерналистские» отношения, десятилетиями воспроизводившиеся в условиях советских предприятий и легитимированные широким спектром символических операций, в 1990-е годы подверглись неизбежным трансформациям в связи с изменением общей экономической политики страны. Структурные преобразования повлекли за собой и дискурсивную переоценку роли ГП — основывающуюся, как правило, на сравнении статуса предприятия в прошлом и сейчас.

Нарративы горожан о социальных переменах и ожиданиях в сибирском моногороде, почти покинутом комбинатом, строятся на приписывании ситуации в прошлом признаков «золотого века», а ситуации в настоящем — признаков «катастрофы» [Город 2012: 25–45]. Так, слитые воедино «прошлое города» и «прошлое комбината» оцениваются как время абсолютной социальной стабильности, предсказуемой «организованности жизни до кризиса предприятия». Популярность такого представления ответственна, по мнению авторов цитируемого исследования, за «социальную ригидность» (негибкость, пассивность) современного городского сообщества и за риторику «выученной беспомощности» (идею невозможности преодолеть «закрепившиеся в условиях тотального патернализма» модели поведения) [Там же: 40–41]. Стремление к сохранению «выученных» социальных ролей при реальной невозможности далее воспроизводить привычные культурные и профессиональные модели лежит в основе *кризисного дискурса* (переживания и оценки изменений как катастрофы). В поле этого дискурса втягиваются и современные отношения городского сообщества с муниципальной властью — фактической наследницей социальной инфраструктуры, ранее находившейся под контролем ГП [Там же: 42–43, 93].

Актуальные представления о ситуации в Каршево в 1990-е годы наиболее емко отражены в заголовках статей из местной периодики того времени (например, «Каршево обречено?» от июля 1994 г., «Кто поможет Каршево?» от декабря 1994 г. и др.). Каршевские СРМ, подчинявшиеся в советское время предприятию «Мурманрыбфлот», в середине 1990-х оказались нерентабельными (по версии некоторых публикаций, на грани банкротства из-за снижения объема судоремонта) и «были проданы»; жилой фонд, ранее юридически закрепленный за АО «Мурманрыбпром», был передан в ведение местной администрации, но фактически в течение нескольких лет никем не контролировался. Восстановить историю и механизмы смены владельцев СРМ в 1990-е годы по данным периодики достаточно сложно: если публикации 1994 г. содержали сведения о преемнице СРМ — ассоциации «Каршевская новь», учрежденной «поморами», содержащей восемь рыбопромысловых судов и распоряжающейся квотой на отлов рыбы в 111 тонн, то уже в публикации 1995 г. упоминался факт непрозрачной смены «хозяина судоремонтных мастерских с “Мурманрыбпрома” на “Арктик-Сервис”», о которой в Каршево долгое время никто не знал. Так или иначе в конце 2000-х годов в Каршево никакие работы по судоремонту уже долгое время не осуществлялись, а несколько сохранившихся бывших зданий СРМ с примыкающим к ним причалом принадлежали Сергею Шенгелия, наследнику бывшего заместителя директора АО «Мурманрыбпром». В свою очередь все жилые дома поселка и большинство объектов социальной инфраструктуры контролировались администрацией муниципального образования «Каршево»; показательным исключением, впрочем, стала мазутная котельная, принадлежавшая ранее СРМ, а ныне арендуемая поселком (у нового хозяина — все того же Шенгелия). В апреле 2009 г. котельная сгорела, оставив большую часть домов в поселке без отопления и горячей воды и прибавив к многочисленным, муссируемым местной периодикой неблагоприятиям Каршево (таким как обветшание жилых помещений, проблемы с вывозом мусора и медицинским обслуживанием) еще одно — необходимость восстановления котельной. Ремонт должен был осуществляться за счет средств

собственника (ООО «Каршевские СРМ»), но из-за предшествующих «неплатежей за поставленные ресурсы» собственник все лето 2009 г. откладывал подготовку оборудования котельной к зимнему периоду (сообщение районной газеты от августа 2009 г.). Таким образом, в конце 2000-х годов организация, использующая ресурсы бывших мастерских, последовательно проводила политику отчуждения от локального сообщества ради следования собственным экономическим интересам — что было логичным для автономного экономического субъекта и проблемным для сообщества поселка, не забывшего о социальных функциях предприятия в прошлом.

Каршевские мастерские в роли градообразующего предприятия, выполняющего функции социального обеспечения и контроля (подобно типичному ГП), существуют на данный момент исключительно на уровне дискурса — в нарративах о прошлом поселка.

Инф. (ж., 1953 г.р.): Поселок-то был большой! <...> Но у нас мусора не было. [пауза] В конце 90-х, еще допустим ЖКХ принадлежал, был СРМ, и ЖКХ принадлежало СРМу. Он все-таки был немножко градообразующим предприятием, понимаете? И они за все за это маленько наблюдали, смотрели. А когда это все вообще вот так вот растыркали, по этим по всем, хозяина нет. Эти, администрация — что у нее нет денег [ПМА 2012].

Инф. (ж., ок. 60 лет): Шестьсот человек только на СРМе работало. Да нет, конечно, если бы не 90-е годы <...> Половина людей было. Все забито было. Квартиру чтобы раньше получить — это вообще было проблема [ПМА 2012].

В качестве основных негативных последствий закрытия или изменения статуса мастерских называют: сокращение рабочих мест, сокращение численности населения, разрушение социальной инфраструктуры поселка как следствие исчезновения позиции ответственного лица («хозяина» — того, кто «наблюдал» и «проверял»). Отсутствие в настоящем институционально гарантированных контроля и помощи приводит к катастрофическим последствиям, например к появлению серьезных проблем с утилизацией бытовых отходов, решением которой озабочены

власти всех региональных уровней. Констатация плачевного состояния поселка приобретает особую убедительность на фоне идеализирующих прошлое нарративов, выдержанных в ностальгической модальности. Показательно, что упадок социальной гармонии на дискурсивном уровне связывается не только с экономическими трансформациями 1990-х годов, но и с положением бывшего «немножко градообразующего» предприятия на данном этапе.

Инф. (ж., 1961 г.р.): Вот СРМ. Каршевские СРМ вот тут сейчас в подчинении Шенгелии такие заколоченные-то стоят, с железными воротами.

Соб.: Ага. Сейчас там вообще ничего, то есть никак эти здания не используются?

Инф.: [Нет]. <...>

(Далее в интервью, во время обсуждения опыта проживания собирателя в частной «гостинице» в Каршево:)

Инф.: А, это СРМ и есть! Да, там у них там гостиница. Это вот этот Шенгелия, он там сделал гостиницу для приезжих. Там это да, [нрзбр.] он выложил в Интернет это все. <...> Сначала дед его правил, это уже внук [говорит тихо]. Тоже не наши [нрзбр.], они ж тоже не местные. <...> Держат вот эту землю, вот этот причал там [нрзбр.]. В общем, весь наш поселок поделили уже не знаю на что. Скоро и нас выкупят вместе с потрохами [ПМА 2012].

В информационном поле сообщества существует определенный набор общеизвестных сведений о нынешнем положении СРМ, например о том, что судоремонт в мастерских уже давно не осуществляется, хозяином оставшихся зданий является предприниматель Шенгелия, или о том, что здания нескольких бывших цехов переоборудованы под гостиницу, в которой периодически проживают группы туристов и сезонных работников. В процитированном нарративе все три перечисленных представления воспроизводятся, причем показательной является «этнография» ответов жительницы на вопрос о текущем статусе мастерских. Так, в начале интервью информантка, используя невербальные знаки, утверждает, что сохранившиеся здания СРМ никак не используются. Позже, когда речь заходит непосредственно о гостинице,

выясняется, что говорящей хорошо известен не только факт существования подобной организации, но и подробности, связанные с ее функционированием (учредитель, внутреннее и внешнее оформление, обслуживание). Весь монолог об «истинном» положении дел на СРМ произносился медленно, со вздохами и паузами, нарочито тихим голосом, с нечетким произнесением некоторых слов. Этнография речевого поведения информантки, в особенности условия развития разговора о нынешнем положении СРМ (длительное взаимодействие с собирателем), указывают на затруднения в обсуждении этой темы — типичные для большинства опрошенных жителей. Риторические стратегии, направленные на избегание прямого разговора о нынешнем положении СРМ или выражения собственной оценки деятельности владельца зданий, я называю *фигурой умолчания*. С известными оговорками «умолчанием» можно назвать и другой распространенный прием оценки положения СРМ (и поселка) на данном этапе: он заключается в выборе особых языковых средств — лексических (лексем со значением «активной деструкции, разрушения») и синтаксических (безличных конструкций) — для описания причин кризисного положения сообщества. Риторические обороты, вроде «скоро и нас выкупят», «все разрушилось, весь поселок загубили в общем-то», «все развалили, полностью» и др., в контексте разговора о СРМ позволяют жителям, с одной стороны, диагностировать причину неблагополучия поселка, а с другой — избавиться от необходимости называть и обсуждать агента разрушения. Безусловно, «умолчание» используется не только при обсуждении текущего положения СРМ. Как правило, выбор этого приема указывает на существующий в поселке непрозрачный доступ к каким-либо экономическим ресурсам или нишам: реальная преграда (как отгораживающий СРМ забор) или информационный вакуум (например, вокруг фигур собственников тех или иных поселковых земель) ощущаются как потенциально проблемные с правовой точки зрения. Так, разговоры о развитии частных туристических инициатив или конфликтах с местной администрацией могут восприниматься как опасные и блокироваться в ситуации интервью.

Дискурсивное положение СРМ характеризуется своей «вписанностью» в контекст представлений о нормативной роли предприятия в жизни поселка и, соответственно, идеальной модели существования сообщества — обеспечиваемого предприятием по схеме, заданной постоянным экономическим и символическим обменом. Кстати, именно символические связи с предприятием ощущаются жителями как легитимирующие его присутствие и обеспечивающие ему лояльность со стороны сообщества поселка (нежелание вступать в подобный обмен может серьезно снизить шансы компании, как это случилось с газодобывающей корпорацией, недавно появившейся в поселке). Так или иначе в Каршево, где в 2012 г., с открытием нового цеха рыбзавода, появились достаточные возможности для трудоустройства, именно противопоставление идеализированного прошлого поселка (когда занятость в СРМ выступала как престижная и стабильная ассоциация) и нынешнего непрозрачного статуса мастерских лежало в основе «кризисного дискурса» — универсальной объяснительной модели современного неблагополучия.

Источники

ПМА 2012–2013 (Мурманская обл.).

Библиография

Город после комбината. Социально-экономические стратегии жителей Байкальска: колл. моногр. / И. Корюхина, Т. Тимофеева, Т. Гребенщикова, И. Абдулова, В. Куклина, М. Рожанский; под общ. ред. М. Рожанского. Иркутск, 2012.

Романов П. В. Промышленный патернализм в системе социальной политики предприятий // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 3. С. 287–305.

Сатыбалдина Е. В. Семья заводчан в условиях среднего уральского города: историко-социологический экскурс // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2011. № 2 (91). С. 65–77.

Сидорина Т. Ю. Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 3. С. 319–334.

Смирнова О. А. Влияние моногородов на социально-экономическую ситуацию региона (на примере Ивановской области) // Современные наукоемкие технологии (региональное приложение к журналу). 2009. № 4. С. 59–63.

Abstract

The article is focused on the analysis of the impact that the shiprepairing factory (as the main employer) has on the social situation in a small northern village. It is argued that the fundamental transformation of the state economy in 1990s led up to the shift of the company's role — from total social control of the village during the soviet period to the obscure condition nowadays. The basic economic and symbolic functions of a typical industrial company in a company town are observed.